

De la plus grande élévation il tombe dans la dernière bassesse à l'endroit justement où il devoit le plus s'élever. Car mêlant mal à propos dans la pompeuse description de cet appareil des boissaux, des ragoûts et des sacs: il semble qu'il fasse la peinture d'une cuisine. (397–398)²⁹

Чап. I

Mais c'est à la charge, mon cher Téréntianus, que nous reverrons ensemble exactement mon ouvrage, et que vous m'en direz vôtre sentiment avec cette sincérité que nous devons naturellement à nos amis. (341)

Longin nous donne ici par son exemple un des plus importants préceptes de la rhétorique qui est de consulter nos amis sur nos ouvrages.

В свое время П. Н. Берков указал, какие большие возможности открываются перед исследователем, если он понимает (или хочет понять) всю масштабность литературных интересов Ломоносова.³⁰ Он установил много интересного, основываясь иногда только на частных и скудных данных.

Теперь в нашем распоряжении есть материал, уникальный по своим размерам, на скудном фоне того, что сохранилось от пребывания Ломоносова в Германии, т. е. от того времени, когда он серьезно занялся разработкой собственной литературной программы, конспект может очень многое прояснить в поэтическом самоопределении Ломоносова.

Ведь до сих пор считалось, что литературно Ломоносов всегда был ориентирован на немцев, получив в Германии основательную филологическую подготовку и на лекциях в Марбурге, и в ходе самостоятельных изучений немецкой критической литературы и поэзии. И все же эта старательно пройденная немецкая школа не помешала ему, как уже указывалось, в жанре торжественной оды следовать французским одическим поэтам Малербу, Буало, Ж.-Б. Руссо. В свое время о малербизме ломоносовских од убедительно писал Л. В. Пумпянский.³¹ Без ссылок на его работу об этом сказано в новейшем американском учебнике.³² Не касаясь в данной работе конкретных соотношений ломоносовской оды с французской одической традицией, я считаю, что для более точного анализа данной проблемы следует предвзительно понять, как решал Ломоносов для себя и, — как показала история, — для всей русской поэзии XVIII века проблему высокого стиля и что в европейском литературном контексте помогло ему в этом.

Когда после Елизаветинского переворота 1741 года церковнославянский язык в речах церковных проповедников снова стал претендовать на абсолютную гегемонию в русской словесной культуре, основательно поколебленную в 1720–1730-е годы, Ломоносов стал искать решения про-

²⁹ Ср Чистякова, 75–77

³⁰ Берков П Н Литературные интересы Ломоносова // Литературное творчество М В Ломоносова Исследования и материалы / Под ред П Н Беркова и И З Сермана М, Л, 1962 С 14–68

³¹ Пумпянский Л В Очерки по литературе первой половины XVIII в III Ломоносов и Малерб // XVIII век Сб I М, Л, 1935 С 110–130 Reprint Brucken Verlag GMBH, The Hague, 1968

³² Brown W E A history of 18th-century Russian literature Ardis, Ann Arbor, 1980 P 90–93